

ГЛАВА 1

ПРОЩАЙ

Я смотрю, как Мак роется в рюкзаке. Рада ее видеть. Чтобы успеть в клинику к этому часу, ей, наверное, пришлось вылететь из Хьюстона в Эль-Пасо рано утром. Раньше мы с Мак были просто лучшими подругами, но с тех пор, как я опять заболела, она мне все время советует, как лечиться, а заодно делает мне макияж и всячески развлекает. В ее арсенале — дрянные журналы, музыка, которая якобы поднимает настроение, «духподъемные» книги и все комедии, когда-либо выходившие на экран, потому что «нельзя недооценивать целительную силу смеха».

«Ты права, Макайла, если хорошенько рассмеяться, то чертовы опухоли исчезнут без следа!» — меня так и подмывает это сказать, но язык не поворачивается: она ведь хочет как лучше.

— Нашла. — Мак машет перед моим носом затейливым флакончиком духов. — Я их купила в этом новом бутике в «Галерее». Когда вернешься домой, я тебя туда отведу.

Она капает духами на подушку. Мак осторожна. Следит, чтобы духи не попали на мою тонкую, как бумага, кожу.

Я вбираю аромат любимых цветов: он заглушает запах больницы и болезни.

— Это фрезия. Как только я их понюхала, сразу же поняла: твои. Нравится? — с надеждой спрашивает Мак.

— Очень, — шепотом отвечаю я и выдавливаю улыбку, специально для Мак.

Подруга сияет. Как всегда, когда думает, что ей удалось хоть чем-то меня порадовать.

Все тело болит. Мак взбивает подушки, усаживает меня. Держит кружку, пока я пью воду через соломинку.

— Я и сама могу, — говорю я.

— Знаю, — улыбается Мак, поправляет шапку-бини, которая сползает с моей лысой головы, и достает из рюкзака банку шоколадного мусса. — Мама приготовила его специально для тебя. И просила расцеловать тебя в обе щеки.

Как тут откажешься, когда она кормит меня с ложки, точно младенца? Густая жижка липнет к пересохшему горлу.

— Врачи хотят кормить меня через трубку, — выдавливаю я и вижу, как Мак меняется в лице, но потом вспоминает, что нужно бодриться.

— Да, я уже слышала. Но это ведь ненадолго, чтобы ты набралась сил... чтобы тебе помочь, — жизнерадостно отвечает Мак и берет меня за руку. Я смотрю на наши переплетенные пальцы и вдруг не узнаю собственной руки. Такое со мной теперь случается часто: я уже и не вспомню, когда мои ладошки превратились в старушечьи лапки.

— У тебя руки ледяные. — Мак вздрагивает, лезет в сумку и, точно фокусник, выуживает очередной лосьон. — В нем нет ни капли химии, так что у тебя не будет раздражения. — Она аккуратно натирает кремом мои ладони и руки-прутики. Мне приятно: такой массаж расслабляет.

— Кстати, — продолжает Мак, — пару дней назад видела твою бабушку. Она сказала, что весь ее приход вместе с пастором молится за тебя.

При мысли о бабушке я улыбаюсь.

— В курсе. Она, по-моему, уже пол-Техаса упростила молиться за меня. Она мне пишет каждый день, присылает какие-то библейские цитаты. Я по ней соскучилась. Бабушка и рада бы меня проведать, но мама против: говорит, незачем ей так волноваться.

— Тебя часто навещают? — интересуется Мак.

— Папе иногда удается вырваться с работы, но обычно мы вдвоем с мамой, — тяжело вздыхаю я. — Она здесь круглые сутки. Мне бы очень хотелось повидаться с Артуром, но животных сюда не пускают. Боятся, что те занесут какую-нибудь заразу. Да и потом, его в дороге всегда так укачивает, что поездка из Хьюстона станет для него кошмаром.

— А хочешь, как вернусь домой, я съезжу к тебе и сниму его на видео? Чтобы он тебе помахал лапой и прочее мимими.

— Спасибо, дорогая, буду рада. — Я представляю, как увижу Артура, и на глаза наворачиваются слезы. Чувствую, как дрожит верхняя губа. Но плакать нельзя.

— Эй, ты чего куксишься-то, — щурится Мак. — А ну-ка не реви.

— Отстань, — шутливо огрызаюсь я. — Лучше расскажи, что нового в Бейли-Хайтс.

Разумеется, я притворяюсь. На самом деле меня абсолютно не волнуют школьные сплетни: мне лишь нужно, чтобы Мак болтала. У меня нет сил поддерживать разговор, а она совершенно не умеет молчать: боится, что тогда я скажу что-то такое, чего она слышать не хочет. Да и мне нравится болтовня Мак, ее певучий

голос, — особенно сейчас, когда мой собственный звучит так слабо и безжизненно.

Я и рада бы не засыпать, держаться бодрее. А то последние две недели я все время дремлю. И каждый раз, как открываю глаза, меня охватывает привычная паника: я жду, пока зрение прояснится, но понимаю, что по-прежнему здесь, в клинике посреди пустыни, в беленых стенах, на той же кровати, и из моей запавшей вены все так же торчит игла капельницы.

— Ладно, слушай: вчера я гуляла в Мемориал-парке, и угадай, кого я там видела? Он целовался с какой-то девицей, которая совершенно точно не его девушка, да так страстно, язык ей чуть не в горло засунул, — сообщает Мак, широко раскрыв глаза.

Я улыбаюсь про себя — вот такую Мак я знаю и люблю: заливаюсь соловьем, потчует меня своими байками.

— Понятия не имею, — я пожимаю плечами.

— Из нашей школы. Ты его знаешь.

Я мысленно перебираю одноклассников, пока Мак скармливает мне еще ложку мусса. Я не видела их с тех самых пор, как вынуждена была снова бросить школу. Они меня, конечно же, не навещали: им бы такое и в голову не пришло. Я вообще сомневаюсь, что они заметили мое отсутствие. А впрочем, даже будь я школьной звездой, едва ли им было бы приятно общаться с живым напоминанием о том, что молодость вовсе не гарантирует бессмертия.

— Не знаю, — отвечаю я.

— Ну подумай. Козел каких мало. Мы с тобой терпеть его не можем.

— Джош Дартмир?

— Точно!

Я морщусь.

Джош Дартмир! Меня передергивает при одной лишь мысли о нем. В голове не укладывается, что я потратила драгоценное время ремиссии на свидания с ним. Я, как последняя дура, поверила, будто мною может заинтересоваться парень из школьной футбольной команды. Впрочем, вскоре я догадалась, что он общается со мной лишь для того, чтобы все думали — надо же, какой молодец, встречается с этой, у которой рак! А когда Мак, наконец, убедила меня вспомнить о самоуважении и бросить его, заявил, что мутил со мной из жалости. Ну не сволочь?

Я слушаю, как Мак ругает Дартмира на чем свет стоит.

— Скотина двуличная, — заявляет она.

— Меня тошнит при одной лишь мысли о нем, — я вздрагиваю. — Давай лучше поговорим о твоих отношениях с мистером Кендриком. Он уже сделал тебе предложение? — я ухмыляюсь: Мак безответно влюблена в нашего учителя английского.

— Смейся сколько угодно, но в один прекрасный день мы с мистером Бретом Кендриком обязательно поженимся. Поселимся в просторном особняке в Монтроузе, по соседству с писателями и художниками, и я буду работать над сборником стихов, пока Брет меняет памперсы нашим троим... ну, или четверым прелестным малышам.

От смеха болит грудь, но остановиться нет сил: от сладкого пудинга меня охватила эйфория.

— Ты же знаешь, у него есть девушка, они живут вместе.

— Ну и что? Между прочим, я тут узнала, что она бухгалтер! — с отвращением парирует Мак. — Брету нужна та, кто разделяет его любовь к словам, к литературе. Сама подумай: какой же мужчина в здравом уме откажется от девушки, которая похожа на Дженнифер Хадсон? Да я его идеал! — Мак поводит плечами.

— Ладно, только перестань его преследовать, — смеюсь я. — А то тебя посадят, и ты не сможешь меня навещать.

Подруга корчит гримаску, но я вижу, как она рада, что ей удалось меня развеселить.

— Хватит читать мне мораль, Люси Берджесс. Давай-ка лучше я тебя накрашу.

— О нет, — я со стоном натягиваю повыше одеяло. — Только не сегодня, я этого не вынесу.

— Тем более нужно. Сейчас мы нарисуем на этих щечках румянец, хотя, конечно, образ вампира никогда не выйдет из моды. — Она подмигивает мне.

Мак с преувеличенно-оживленным видом принимается за дело. Жаль, что ей не хватает смелости остановиться. Мы по-прежнему поверяем друг другу все тайны, мы всегда делились даже таким, в чем нельзя признаться никому: засмеют. Теперь же Мак избегает любых упоминаний о том единственном, что действительно важно. Она разыгрывает тот же сценарий, что мама с папой, повторяет избитые фразы вроде «когда ты поправишься», «это всего лишь черная полоса», «мы с тобой еще так оттянемся на каникулах, что запомним это лето надолго». Я не хочу, чтобы моя лучшая подруга участвовала в этом их заговоре лжи.

— Отлично выглядишь! — Мак карандашом подводит мне брови. — А теперь давай сделаем селфи. Ты как хочешь, в шапке или без?

Я вцепляюсь в бини.

— В шапке.

Не хватало еще, чтобы Макайла выложила в интернет фото, на котором я похожа на лупоглазого пришельца. Не хочу, чтобы меня запомнили такой. Я даже снимок для похорон выбирала сама. Несколько недель тому назад

отправила его маме по электронной почте. Но когда я спрашиваю, получила ли она мое письмо, мама неизменно меняет тему. Я не дам ей самой выбирать фотографию. Ей вечно нравятся те, на которых я выгляжу как идиотка. Я же выбрала прошлогоднюю, из Барбадоса. Папа взял отпуск и снял потрясающий дом на пляже. Я каждый день каталась на лошади по берегу. Чувствовала себя здоровой и полной сил. Даже подумать не могла, что рак вернется. А сейчас, когда смотрю на собственные мощи, как-то не верится, что поправлюсь. Оттого-то меня так бесит, что мама с папой упорно делают вид, будто я выздоровею. Неужели они правда полагают, будто сумеют защитить меня от неизбежного? Родители заставляют меня лечиться, хотя все мы прекрасно понимаем: сколько ни накачивай мое тело ядом, лучше уже не станет. Только отравит мне последние оставшиеся дни. Я готова к тому, что все кончится, даже если они к этому не готовы.

Мак осторожно меня обнимает, словно боится, что я сломаюсь; она теплая и гораздо крупнее меня. Подруга достает телефон.

— Так, на счет «три» чтобы сексуально сложила губки. Раз, два, три!

— Шикарно получилось! — Мак показывает мне экран.

Я смотрю на свое изображение. Лицо, покрытое тональным кремом цвета загара, так странно контрастирует с тощей прозрачной шеей, словно они принадлежат разным людям. Мак постаралась замазать темные круги, отчего глаза кажутся еще более запавшими. Румяна лишь подчеркивают впалые щеки, помада, как шпаклевка, заполняет трещины на губах, а брови... так изогнуты, словно меня кто-то напугал.

Я перевожу взгляд на изображение Мак, и меня вдруг охватывает зависть. Я завидую ее густым блестящим кудрям, безупречной коже, пухлым гладким губам.

«Зеркало, зеркало на стене...» Так и хочется протянуть ей ярко-красное яблочко, а себе забрать ее здоровье... Я превратилась в ведьму. Меня передергивает от стыда.

— Я похожа на трансвестита, — хмыкаю я.

— Неправда! — возражает Мак. — Ты отлично выглядишь.

— Вот и наклеишь меня для похорон. Хоть повеселим тех, кто подойдет к гробу.

Мак хмурится.

— Не говори так. Не смешно.

— Интересно, из Бейли-Хайтс хоть кто-то явится?

— Замолчи.

— Если похороны придутся на время уроков, кто-нибудь наверняка отпросится, лишь бы школу прогулять, — рассуждаю я. — Ты не думай, я вовсе не считаю, будто кто-то там меня терпеть не может. Чтобы человека возненавидеть, для начала его нужно хотя бы заметить, а от моего существования им ни холодно ни жарко. Поэтому я вовсе не жду, что в мою честь назовут библиотеку или что-нибудь в таком духе.

— Хватить ныть! — возмущается Мак и принимается рыться в рюкзаке, игнорируя меня, словно капризного ребенка, старающегося привлечь к себе внимание. — Кстати, у меня с собой этот новый фильм, который все хвалят. — Она тянется к ноутбуку, но я перехватываю ее руку своими костлявыми пальцами.

Я заставляю ее выслушать меня. Мне надоело, что все вокруг уходит от разговора.

— Нам надо поговорить. Мне недолго осталось. Я не хочу умирать, но чуда не случится. Ты ведь это понимаешь?

Мак таращится в пол и ничего не отвечает.

— Теперь все иначе, не как в прошлый раз. Я чувствую, как отказывает организм.

Мак энергично трясет головой. Я понимаю, что поступаю жестоко, но уже не в состоянии остановиться:

— Я писаюсь. Уже не могу себя контролировать. Мне поставили катетер. — Я приподнимаю одеяло и показываю мешочек с теплой желтой жидкостью, прикрепленный к каркасу кровати. — И без этой штуки мне теперь никак. — Я покачиваю шприцевой помпой перед носом Мак. — Нажала — и загнала боль в клетку... на какое-то время. Попробуй, поймаетшь нереальный кайф. — Я стараюсь ничем не выдать волнения, но слова мои звучат жутко. — Послушай меня, Мак. Мама и папа не хотят прекращать лечение, но они должны это сделать. Потому что от него нет толку. Хватит с меня химии. У меня уже никаких сил нет.

— Как ты можешь так говорить! — восклицает Макайла; от ее напускного оживления не осталось и следа. — Ты не имеешь права сдаваться. Тебе нужно думать о хорошем. Просто у тебя сегодня неудачный день. Но завтра будет лучше. Ты должна бороться.

Во мне вскипает злость.

— Что за чушь, — огрызаюсь я. — Я «борюсь» уже три года, это болезнь, а не противник: одни выздоравливают, другие живут с этим много лет, третьих он убивает, вот как меня. Дело ведь не в том, что я недостаточно усердно боролась, поэтому не надо так говорить, будто я сама виновата, что не справилась.

Я вся горю. На руках бьются исколотые синие жилки.

Мак плачет. Я довела до слез лучшую подругу, но мне нужно было до нее достучаться.